

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

С. Алексеев

От Москвы до Берлина
Рассказы для детей

Сергей Петрович Алексеев
От Москвы до Берлина.
Рассказы для детей
Серия «Бессмертный
полк. Детям о войне»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29193024

Сергей Алексеев. От Москвы до Берлина. Рассказы для детей: АСТ;

Москва; 2017

ISBN 978-5-17-103833-5

Аннотация

Сергей Петрович Алексеев (1922–2008 гг.) – известный писатель, лауреат Государственной премии СССР и России, участник Великой Отечественной войны. Умея кратко и ясно излагать мысли, за свою жизнь С. Алексеев создал огромное количество рассказов, посвященных истории нашего Отечества, а также участвовал в создании учебника по истории для советских школ. Книга «От Москвы до Берлина. Рассказы для детей» – это сборник из небольших историй про то, как начиналась Великая Отечественная война, как обычные солдаты сражались на фронтах, про детей и женщин, которые тоже верили в Победу и делали все, чтобы ее приблизить. И, конечно, в этом сборнике

есть рассказы о легендарных маршалах Победы – Г. К. Жукове и К. Рокоссовском.

Вступительная статья Н. Земцова.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Обращение к читателю	8
Глава первая	11
Холм Жирковский	12
Сила	16
Вязьма	19
Генерал Жуков	22
Московское небо	25
Тульские пряники	29
Красная площадь	31
Подвиг у Дубосеково	34
«Знай наших!»	36
Орлович-Воронович	39
Лопата	41
Зоя	44
Отдельный танковый батальон	47
«Барон Мюнхаузен»	50
Ближе других	53
Ух ты, мама!	56
«Напишу из Москвы»	59
Француженка	62
Доватор	65
Тулупин	68
Трое	72

Папка	75
Пасть	78
Глава вторая	81
«Ни шагу назад»	82
«Гвоздильный завод»	85
Ранен в бою солдат	88
Буль-буль	91
Мамаев курган	94
Волга, Волга	97
Злая фамилия	100
Данко	103
Знаменитый дом	106
Сталинградская оборона	109
Геннадий Сталинградович	112
Редут Таракуля	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Сергей Алексеев

От Москвы до Берлина.

Рассказы для детей

ил. Н. Беланова

© Текст, Алексеев С. П., насл., 2017

© Ил., Беланов Н. В., 2017

© ООД «Бессмертный полк России», 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

«Бессмертный полк» – это наши деды и прадеды. Они ушли на фронт и многие не вернулись. Не все семьи знают, как погибли их фронтовики. Не в каждом доме есть их фотографии. Но это не значит, что можно забыть ту страшную войну и просто жить дальше. Наши дети должны знать, кем были их предки и как они сражались за Родину. Самые пронзительные и проникновенные произведения о войне составили «Библиотеку Бессмертного полка», одна из серий которой – для детей. Этот горький источник воспитания чувств необходим каждому современному ребенку, чтобы еще в раннем детстве узнать, что такое ДОЛГ и ПОДВИГ, ЛЮБОВЬ и ОТВАГА.

Книга участника Великой Отечественной войны писателя Сергея Алексеева «От Москвы до Берлина» – это рассказы о войне от ее начала до Победы. В каждом – чья-то особенная судьба, чей-то бессмертный подвиг. И может так случиться, что в них описаны жизнь и смерть ваших предков.

Обращение к читателю

Вы держите в руках книгу из серии «Бессмертный полк. Детям о войне» – «От Москвы до Берлина» Сергея Петровича Алексеева. В момент нападения фашистских захватчиков в июне 1941 года автор этой книги, тогда еще курсант авиационного училища, находился вместе с товарищами в полевом учебном лагере на западной границе Белоруссии. Не успев даже поднять самолеты в небо, многие из них тогда погибли. Сергею Алексееву повезло остаться в живых, и в последующие военные годы он осваивал и испытывал новые модели самолетов, обучал курсантов.

Обладая даром писать просто о сложном, в послевоенные годы Сергей Петрович становится редактором детских книг, участвует в создании учебников по истории для советских школ.

Книга «От Москвы до Берлина» – результат многолетней работы писателя. Здесь вы найдете рассказы о том, как началась Великая Отечественная война, как простые солдаты отстаивали в смертельных боях каждый клочок родной земли. Вы прочитаете о маршалах Победы – Георгии Константиновиче Жукове, Константине Константиновиче Рокоссовском, которые стали легендами.

Каждый год 9 мая, в День Победы, мы вспоминаем всех участников Великой Отечественной войны. Но время

неумолимо, и все меньше ветеранов остается с нами. Движение «Бессмертный полк России» существует для того, чтобы в нашей памяти, в наших сердцах продолжал жить подвиг наших прадедов.

Миллионы потомков участников Великой Отечественной войны выходят в День Победы на улицы городов России и мира с портретами своих родных. И с ними будто вновь встают в строй дорогие и любимые солдаты, матросы, труженики тыла – чьи-то дедушки и бабушки, отцы и матери и даже дети... И оказывается, что нам нужна память о каждом из них – тех, на чью долю выпали испытания самой кровопролитной, масштабной и жестокой войны за всю историю человечества.

От нас, сегодняшних, зависит – сохранить великое наследие поколения победителей, будь то личные бесхитростные истории или произведения художественной литературы мирового значения. Наследие, которое нам завещали предки, будет неполным, если только слушать о войне на уроках истории или смотреть художественные фильмы.

Многие истории из тех, что размещают на официальном сайте движения «Бессмертный полк России» (www.polkrf.ru) родственники фронтовиков и тружеников тыла, партизан и узников концлагерей, уже вошли в первые книги проекта «Библиотека Бессмертного полка». Они перекечевали со страниц семейных альбомов в сокровищницу памяти всего нашего общества.

Какими будут следующие книги, во многом зависит от вас, ведь они пишутся вашими руками и сердцем. Заходите на сайт www.polkrf.ru, зарегистрируйтесь в личном кабинете и сохраните героические истории ваших дедов и прадедов, бабушек и прабабушек!

С благодарностью ко всем, кто постарался увековечить воспоминания родных и близких людей, отстоявших мир, победивших чуму XX века – фашизм и нацизм.

Сопредседатель Общероссийского общественного движения

«Бессмертный полк России»

Николай Земцов

Глава первая

КОНЕЦ «ТАЙФУНА»

Холм Жирковский

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» – назвали фашисты план своего наступления. Тайфун – это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Схватить советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более милли-

она солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолётов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта фашистские танки двигались на населённый пункт Холм Жирковский.

Подошли к посёлку фашисты. Смотрят. Что он танкам – какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

– Форвертс! Вперёд! – прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: – Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищал Холм Жирковский вместе со всеми солдат Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы фашистские танки. Один прямо идёт на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе немецкий танк.

– Бросай, бросай, – шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин.

– Бросай же, леший тебя возьми! – уже не шепчет – кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал ещё минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин,

швырнул гранату. Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

– Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам. Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идёт сражение. Не пропускают герои танки.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришёл приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идёт Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты – батюшка свет! – всё поле в подбитых танках: земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

– Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

– Не Жирковский, считай, Жарковский, – кто-то другой

поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

– Конечно же, Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду фашистам жарко, всюду Холмы Жарковские.

Сила

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орёл. С севера движутся к Калинин. Идут на Вязьму, Калугу, Юхнов.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь на Угре под Юхновом обороняли солдаты мост. Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят солдаты на фашистские пушки, на танки, на правый берег:

– Братцы, сила смотри какая!

Глянешь на эту силу, и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окопах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники свежей силы.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулемётный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег. Несутся теперь в атаку. Вот-вот и захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И всё же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

— Где же помощь? — тревожиться стал Гаркуша. — Не удержим мы левый берег.

И вдруг смотрит солдат — отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша.

— Ура!

Видимо, помощь прибыла.

Только «Ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты миномётный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми в бою Гаркуша. Присмотрелся к другим молодой солдат. Грозен в бою Гаркуша.

— А ну, подходи. А ну, подходи! — Это фашистам кричит Гаркуша. Винтовка в руках у Гаркуши как пулемёт стреляет.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударила по нашему берегу фашистская артиллерия. Всковырнули, как плуги, снаряды землю. Вспахали металлом берег.

Снова фашисты в атаку идут на мост. Не сдаётся упрямый мост. Не пропускают солдаты вперёд фашистов. Оживился совсем Гаркуша:

— Ура! Братцы, не трусь! Братцы, вперёд!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз,

сверкает.

Смотрит Гаркуша – отходят фашисты.

Доволен солдат Гаркуша: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша назад, посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Всё те же кругом бойцы – друзья по героической роте.

– Где же сила? Была же сила? – смотрит солдат на соседа. – Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чём, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Где она, сила? Была же сила! Клянётся солдат – была!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропускали вперёд фашистов.

Вязьма

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты.

Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – рапортуют фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

Вот смелый один нашёлся.

– Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... – Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлёкся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застрали враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – докладывают фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

– Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, – пытается что-то сказать тот, смелый. – Наш Фридрих Великий ещё сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застреляли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?!

– Нет, – за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих ещё сказал...

Слушает Гитлер:

Ну, ну так что же сказал наш Фридрих?

Фридрих Великий сказал, – повторил генерал, – русских нужно дважды застрелить. А потом ещё и толкнуть, мой фю-

рер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь на полях, на холмах под Вязьмой сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

Генерал Жуков

Командующим Западным фронтом – фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

– Вот тут, – докладывают, – у Юхнова, западнее города... – и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

– Нет, нет, не здесь они, а вот тут, – поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивлённо на Жукова смотрят.

– Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, – говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

– Вот тут, – находят на карте город Медынь, – на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, – и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

– Так, так, правильно, – говорит Жуков. – Только силы не

вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какая боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте.

Удивились штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Всё именно так. Вы молодцы — обстановку знаете, — похвалил Жуков штабных офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медыню, и под Калугой. Прежде чем в штаб — поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстоя-

ли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и вовсе разбили напавших на нас фашистов.

Московское небо

Было это ещё до начала Московской битвы.

Размечтался в Берлине Гитлер. Гадает: как поступить с Москвой? Мучается – что бы сделать такое необычное, оригинальное. Думал, думал...

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и всё живое.

– Сразу погибнет всё: люди, дома и Московский Кремль!

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море!

– Будут помнить меня потомки!

Потом подумал: «Э-э, пока набежит вода...»

– Ждать?!

Нет, не согласен он долго ждать.

– Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

– Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землёй!

Выбросил руку вперёд, как шпагу:

– Уничтожить! Сровнять с землёй!

– Так точно, сровнять с землёй, – замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налёт на Москву.

Сразу 200 самолётов послали в этот налёт фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в креслах своих пилоты. Всё ближе Москва, всё ближе. Потянулись фашистские лётчики к бомбовым рычагам.

Но что такое?! Скрестились в небе ножами-шпагами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам краснозвёздные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроился строй врагов.

Лишь немногие самолёты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились.

Бросали бомбы куда придётся, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Крепко наказан непрошенный гость. 22 самолёта сбито.

– Н-да... – протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолёты не все сразу, не общей кучей, а небольшими группами.

– Будут наказаны большевики!

На следующий день вновь 200 самолётов летят на Москву. Летят небольшими группами – по три, четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их ото-

гнали краснорозвездные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолёты. Неглупыми, изобретательными были генералы у Гитлера. Новый придумали план генералы. Надо самолёты послать в три яруса, решили они. Одна группа самолётов пусть летит невысоко от земли. Вторая – чуть выше. А третья – и на большой высоте, и чуть с опозданием. Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, рассуждают генералы, а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдёт третья группа, и лётчики сбросят бомбы точно на цели.

И вот снова в небе фашистские самолёты. Развалились в креслах своих пилоты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Идёт группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, – третья. Самым последним летит самолёт особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолёты Москву, привезёт напоказ генералам...

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолёт. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Бледные-бледные. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолётов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчёт фашистов.

Мечтали фашисты и их бесноватый фюрер уничтожить

Москву до основ, до камня. А что получилось?

Биты фашисты. Москва же стоит и цветёт, как прежде.
Хорошеет от года к году.

Тульские пряники

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула – город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренёк, находчивый, весёлый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошёл к готовым минам. Наклейки на мины – шлёп, шлёп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

– Вот так фашистам «сладость».

– Фрицам хорош «гостинец».

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят сапёры на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах – «тульский пряник».

Смеются солдаты:

– Ай да «сюрприз» фашистам!

– Ай да «гостинец» фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждём новую партию «тульских пряников».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Всё, что из Тулы приходило теперь на фронт – снаряды и патроны, миномёты и мины, – стали называть они тульскими пряниками.

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да всё напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» хороши!

Красная площадь

1941 год. 7 ноября. Москва. Красная площадь.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Когда солдату Митрохину сказали, что часть, в которой он служит, будет принимать участие в параде на Красной площади, не поверил солдат вначале. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял.

– Парад! – объясняет ему командир. – Торжественный, на Красной площади.

– Так точно, парад, – отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие. И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители страны на ленинском Мавзолее. Всё точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня – от снега бело кругом. Ранно нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Победил Мавзолей, лёг на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Сошлись стрелки часов на кремлёвской башне.

Отбили куранты время.

Минута. Всё стихло. Командующий парадом отдал тради-

ционный рапорт. Принимающий парад поздравляет войска с годовщиной Великого Октября. Опять всё стихло. Ещё минута. И вот вначале тихо, а затем всё громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжёлые времена. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

– На вас, – долетают слова до Митрохина, – смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

– Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, – летят сквозь мороз слова. – Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьёзнее, строже.

– Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. – И вслед за этим Сталин сказал: – Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..

И сразу же вслед за речью Верховного Главнокомандую-

щего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шла артиллерия, кавалерийские части прошли по площади, прогремели металлом танки.

И всё это здесь, на Красной площади, в этот тревожный час, казалось чудом, почти видением. И всё это, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, снова ушло на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шёл рядовой Митрохин. А рядом шагала песня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

Подвиг у Дубосеково

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили своё наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришёлся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

– Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Клочков:

– Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

– Меньше, – сказал рядовой Емцов.

– Конечно, меньше, – сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

– Ура! – разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «Ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул бронёй и замер. И снова «Ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли,

отползли уцелевших шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

– Поперхнулся, видать, разбойник.

– Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят – снова идёт лавина. Сосчитали – тридцать фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе всё танки, ближе.

– Друзья, – произнёс Клочков, – велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

– Понятно, товарищ политрук, – ответили солдаты.

– Москва!

Вступили солдаты в битву. Всё меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Всё меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково – для каждого русского сердца дорогое, святое место.

«Знай наших!»

Явилась она, как птица. Словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их – сотни, а то и тысяча. К новой атаке тут сборный пункт.

Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

– Э-эх, картечью бы в это месиво.

– Верно – картечью, – подтверждает второй.

– Да, картечью бы в самый раз, – соглашается кто-то третий.

Размечтались солдаты.

– Эх бы пушку сюда, – произнёс один.

Второй добавляет:

– А к ней – снаряды.

– И смелых ребят к орудию, – включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Протёрли глаза солдаты – считай, мерещится. Нет! Всё настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

Смотрят солдаты на пушкарей. Словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей и ближе к фашистам – на полном карьере – слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают: куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрали. Пока разбирались – упряжка рядом. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

– Ну, знай наших! – прокричал офицер. – Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

– Знай наших! Знай наших! – кричал офицер. – Огонь! Огонь!

Третий выстрел. Четвёртый. Поднял снежные вихри пятый.

– Знай наших! Знай наших!

Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулемётным огнём солдаты. Довершили отважное дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из вида. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» – вот и всё, что на память об отважных бойцах осталось.

Орлович-Воронович

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперёд фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кульчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими. Насмерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Выбивают фашистских солдат и фашистскую технику.

Как-то после тяжёлого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О лётчиках речь, о танкистах – вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах мечтает. Только не танкист Воронович, не лётчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат. Где уж такому мечтать о подвиге!

И вдруг порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идёт Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилёг Воронович на землю. Зорче ещё всмотрелся. Видит – у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат

– привал у врагов. И верно – достали фашисты еду.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Ещё громче забилося сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперёд – там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе. Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперёд! Не мешкай, солдат. Вперёд!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты.

– Один – и четыре фашистских танка. Орёл! Орёл! – смеялись солдаты. – Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!

Лопата

Война есть война. Всякое здесь бывает. Лопата и та стреляет. Москва готовилась к схватке с врагом. Вокруг города возводились оборонительные рубежи. Рылись окопы. Создавались баррикады, завалы, возводились проволочные заграждения, устанавливались «ежи» и надолбы. Тысячи женщин, стариков и подростков брали в руки кирки, ломы, лопаты...

Длинной полоской уходит ров. Вот он прямо идёт, вот чуть изогнулся, коленце сделал. Пополз чуть на взгорье. Сбежал к низинке. Пересёк оголённое поле. Ушёл за ближайший лес. Это противотанковый ров. Много их у границ Москвы. И этот. И чуть правее. И чуть левее. И дальше – за лесом. И дальше – за полем. И дальше, и дальше – перекрывшие горизонт.

Костя Незлобин – студент-текстильщик. В землеройной студент бригаде. Просится Костя в армию:

– Я в роту хочу. Я – в снайперы.

Не взяли Незлобина в армию. Слаб оказался зрением. И вот в землекопах теперь Незлобин. Вместе с другими, копает ров. Девушки рядом, подростки, женщины. Старшим – старик Ордынцев.

Объясняет Костя:

– Не взяли в снайперы.

– Тут тоже, Незлобин, фронт, – отвечает Ордынцев.
– Подумаешь, фронт, – усмехнулся Костя, – канава, ров.
– Не ров, а военный объект, – поправляет старик Ордынцев.

Только сказал, как в небе низко, совсем над землёй, над людьми, над окопом пронёсся фашистский лётчик. Бросил он бомбу. Открыл огонь.

– Ложись! – закричал Ордынцев.

Бросились люди на дно окопа. Переждали огонь врага. Трижды в тот день приходили сюда фашисты.

– Ну чем же тебе не фронт, – посмотрев на Костю, усмехнулся старик Ордынцев.

Ночь опустилась над лесом, над полем. На отдых ушли отрядники. Рядом на взгорке стоит деревня. Расположились в уютных избах.

Только стал засыпать Незлобин, вдруг голос:

– Тревога! Тревога!

Вскочил Незлобин. Момент – на улице. Узнал, в чём дело. Оказалось, с воздуха сброшен фашистский десант. Проснулись люди. Бегут на поле. Промчались кони – наряд охраны. Вернулся Костя к избе, к сараю. Схватил лопату – вперёд, за всеми.

Бежит к окопам, где место сбора. А здесь девчата, а здесь Ордынцев. Вдруг с неба – солдат фашистский. Повис на стропах. И прямо в группу. Не ожидали девчата «гостя».

– Ай, ай! – с испуга.

А Костя словно лишь ждал момента. Схватил Незлобин секиру-заступ. Фашиста в спину.

– А-а-а! – взревел десантник. Осел и рухнул. Лежит, раскинул руки. Расцеловали Костю друзья-девчата.

– Снайпер, ну, право, снайпер, – сказал Ордынцев.

Отбили люди десант фашистов. Вернулись в избы, ко сну, к покою. А утром снова трубят побудка. И снова люди в суровом поле.

Смешались с фронтом тылы, обозы. Кругом девизом, кругом паролем:

«Врага не пустим!»

«Врага осилим!»

И взмах лопаты, как взрыв снаряда. И если надо, она копает. И если надо, она стреляет.

Зоя

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» – так называли в отряде Зою.

В селе Петрищево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрищево. Она пришла сюда с боевым заданием. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии подполковник Рюдерер:

– Кто вы?

– Не скажу.

– Это вы подожгли дома?

– Да, я.

– Ваши цели?

– Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал её на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», – отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, её несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босую ходить по снегу.

И снова:

– Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили её в центре деревни на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занёс руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился – нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

– Товарищи! Не бойтесь, – прозвучал голос Зои. – Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить,

но девушка оттолкнула его ногой.

– Мне не страшно умирать, товарищи, – говорила Зоя. – Это счастье – умереть за свой народ. – И чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: – Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Всё равно победа будет за нами!

Комендант дёрнулся. Подал рукой команду...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы...

Отдельный танковый батальон

Продолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжёлые бои идут у посёлка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут солдаты. Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи. Все резервы давно в бою.

Всё тяжелее дела под Крюковым. Снова звонят командиры начальникам.

– Хорошо, – говорят начальники. – Ждите танковый батальон. И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие. Словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошёл танкист к командиру полка, руку к шлему поднёс, представился:

– Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен – нет сил – командир полка. Мало того, что доволен – счастлив. Обнял офицера:

– Спасибо, браток, спасибо. – И сразу конкретно к делу: – Сколько в батальоне танков?

– Одна машина, – отвечает танкист. И небесной лазурью

на командира смотрит.

– Сколько-сколько? – не верит своим ушам командир полка.

– Одна машина, – повторяет танкист. – Одна осталась...
Танк типа «Т-37».

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые... Вся радость с лица у командира полка – словно кто-то огромный дунул – секундой слетела. Танк «Т-37» самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемёт – вот и всё вооружение. Броня толщиной с мизинец.

– Жду боевую задачу, – сказал танкист.

«Катись к чёрту – вот и вся боевая задача», – хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя осилил.

– Направляйтесь в распоряжение первого батальона, – сказал командир полка.

Этот батальон больше всего и атаковали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте подержит бронёй пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видят броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идёт к солдату – прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперёд фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой ещё четыре. Теперь уж не только первому батальону – всему полку помогал

танкист.

Закончился бой. Стоит танкист – молодой, возбуждённый, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью.

Подошёл к танкисту командир полка, крепко обнял героя:
– Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон.

«Барон Мюнхаузен»

Среди защитников Москвы находился отряд аэростатчиков. Поднимались аэростаты в московское небо. С помощью металлических тросов создавали заслоны против фашистских бомбардировщиков.

Спускали как-то солдаты один из аэростатов. Однотонно скрипит лебёдка. Стальной трос, как нитка, ползёт по бобине. При помощи этого троса и спускают аэростат. Всё ниже он, ниже. С оболочки аэростата свисают верёвки. Это фалы. Схватят сейчас бойцы аэростат за фалы. Держась за фалы, перетасчат аэростат к месту стоянки. Укрепят, привяжут его к опорам.

Аэростат огромный-огромный. С виду как слон, как мамонт. Послушно пойдёт за людьми машина. Это как правило. Но бывает, заупрямится аэростат. Это если бывает ветер. В такие минуты аэростат, словно скакун норовистый, рвётся и рвётся с привязи.

Тот памятный для солдата Велигуры день выдался именно ветреный.

Спускается аэростат. Стоит рядовой Велигура. Стоят другие. Вот схватят сейчас за фалы.

Схватил Велигура. Другие же не успели. Рвануло аэростат. Слышит Велигура какой-то хлопок. Потом Велигуру дёрнуло. Земля отошла от ног. Глянул боец, а он уже в воз-

духе. Оказалось, лопнул трос, с помощью которого спускала лебёдка аэростат. Поволок Велигуру аэростат за собой в поднебесье.

– Бросай фалы!

– Бросай фалы! – кричат Велигуре снизу товарищи.

Не понял Велигура вначале, в чём дело. А когда разобрался – поздно. Земля далеко внизу. Всё выше и выше аэростат.

Держит солдат верёвку. Положение просто трагическое. Сколько же может так человек удержаться? Минутой больше, минутой меньше. Затем силы его покинут. Рухнет несчастный вниз.

Так бы случилось и с Велигурой. Да, видно, в сорочке боец родился. Хотя, скорее, просто Велигура боец находчивый. Ухватил он ногами верёвку. Легче теперь держаться. Дух перевёл, передохнул. Петлю ногами на верёвке старается сделать. Добился солдат удачи. Сделал боец петлю. Сделал петлю и в неё уселся. Совсем отошла опасность. Повеселел Велигура. Интересно даже теперь бойцу. Впервые так высоко поднялся. Парит, как орёл, над степью.

Смотрит солдат на землю. Проплывает под ним Москва лабиринтом домов и улиц. А вот и окраина. Кончился город. Над дачным Велигура летит районом. И вдруг понимает боец, что ветер несёт его в сторону фронта. Вот и район боёв, вот и линия фронта.

Увидели фашисты советский аэростат. Открыли огонь. Разрываются рядом снаряды. Неуютно бойцу на воздушном

шаре.

Несёт ветер солдата всё дальше и дальше вдоль линии фронта.

Положение катастрофическое. Сколько же продержится человек над огнём на воздушном шаре? Минутой больше, минутой меньше. Пробьют оболочку аэростата. Рухнет машина вниз.

Так бы случилось, конечно, и с Велигурой. Да, видно, и впрямь в сорочке боец родился. Не задевают, мимо проходят взрывы.

Но главное – вдруг, как по команде, изменил направление ветер. Понесло Велигуру опять к Москве. Вернулся боец почти туда же, откуда отбыл. Благополучно спустился вниз.

Жив солдат. Невредим. Здоров.

Вот и вышло, что рядовой Велигура на аэростате к врагам слетал почти так же, как в своё время в неприятельскую крепость верхом на ядре знаменитый барон Мюнхаузен.

Всё хорошо. Беда лишь в одном. Мало кто в этот полёт поверил. Только Велигура начнёт рассказывать, сразу друзья кричат:

– Ну, ну, ври, загибай, закручивай!

Не Велигура теперь Велигура. Только откроет бедняга рот, сразу несётся:

– Барон Мюнхаузен!

Война есть война. Всякое здесь бывает. Бывает такое, что сказкой потом считают.

Ближе других

Не умолкают бои под Москвой. От станции Крюково по направлению к Москве прорвались два неприятельских танка.

Несутся вперёд машины.

Прорвались фашисты. Уверены – сзади идут другие. Однако другие не одолели рубеж обороны. Остались на прежних местах другие. Лишь эти двое вперёд несутся.

Совсем пустяки до Москвы осталось.

– Быстрее! Быстрее! – командиры торопят водителей. Не знают они, что другие на прежних местах остались. Боятся, как бы другие не опередили их.

Подгоняет танкистов желание ворваться в Москву непременно первыми.

– Первыми!

– Первыми!

– Первыми!

Несутся вперёд враги. Вот он, долгожданный момент удачи.

– Первыми будем в русской столице!

– Первыми!

Опасный прорыв совершили фашисты. Да только и здесь у Москвы – защитники. Прикрывают подходы к Москве зенитчики. Получен такой приказ: передвинуть из города на-

встречу фронту зенитные батареи, направить стволы по наземным целям.

Приспустили стволы зенитчики. Готовы к стрельбе по наземным целям.

Сидят у орудий бойцы, следят не за небом – за дорогой, за полем.

Вдруг возглас:

– Танки!

Смотрят – и верно танки.

– Орудия к бою!

– Орудия к бою!

Вступили зенитчики в бой с противником.

– Огонь!

– Огонь!

А танки всё ближе и ближе.

– Целься прямой наводкой!

Припали солдаты к пушкам. Крикнул снова сержант:

– Огонь!

Взвизгнул снаряд – и сталью о сталь. Споткнулся первый фашистский танк. Крутанул, как волчок, на месте. Вздогнул. Лязгнул железом. Просел. Затих.

Снова гремит команда:

– Огонь!

Взвизгнул снаряд – и металлом в металл. Угодил он второму танку как раз под брюхо, туда, где броня не такая прочная. Замер и этот танк.

Два фашистских экипажа ближе других подошли к Москве. Чем же эти вошли в историю? Могилы их ближе других к Москве. Нет других, чтобы были ближе.

Ух ты, мама!

Был один из самых тяжёлых моментов Московской битвы. Бои шли севернее Москвы, на Рогачёвском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними советскими армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Захватили фашисты рабочий посёлок Красная Поляна, подошли к железнодорожной станции Лобня.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это – расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну огромную дальнобойную пушку. Стали её устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают. Не могут скрыть торжества солдаты:

– Мы первыми из всех по Москве ударим!

– Награда от фюрера будет!

Суется артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда – рыцарский крест на шею, известность по всей Германии.

Торжествуют фашисты удачу. А в это время навстречу прорвавшимся врагам срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возьются фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

– Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванёт команду. Вот она, радость боя!

– Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Возьются фашистские солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а кажется солдатам, что сюда, к Красной Поляне ближе.

Переглянулись.

– Ближе!

– Ближе!!

Вот и несётся уже «Ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили её бойцы. Любопытно на пушку глянуть.

Видят солдаты гигант-трофей.

– Ух ты, мама!

– Неужто взяли?

– Вот бы сейчас – по Гитлеру!

– Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришёл приказ пушку отправить в тыл. И все же задержались чуть-чуть солдаты. Подождёт пять минут приказ!

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударила пушка стократным басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понёс.

А через несколько дней советские войска перешли в грандиозное наступление. Разгромили они под Москвой фашистов.

«Напишу из Москвы»

Не удаётся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

– Брать её штурмом, брать её в лоб! – отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Обер-лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал бумагу, начал писать письмо. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. Уверен Наймган в победе.

«Дорогой дядюшка! – строчит Наймган. – Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Тороплюсь. Зовёт начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку прорваться к Москве фашисты начали с самого кратчайшего, Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперёд.

Торжествуют фашистские генералы:

– Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрее в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные ча-

сти. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать, деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не прорвались фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыне. Прошли пять километров... десять... пятнадцать... У деревень Бурцеве и Юшково – стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отбили советские воины новый прорыв на Москву. Отползли, отошли фашистские танки к своим исходным рубежам. Отошли фашисты и всё же не верят в силу советских войск. Успокаивают сами себя фашистские генералы:

– Ничего, ничего – отдохнём, поднажмём, осилим!

А в это время на север, на юг от Москвы и здесь, на Западном направлении, собирали советские части свежие силы. К Москве подходили новые дивизии, в войска поступали новые танки и новые пушки. Советская Армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска, оборонявшие Москву, перешли в грандиозное наступление. Советская Армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну, а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Погиб лейтенант Наймган. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

«Тайфуном» назвали фашисты своё наступление.

Взвился «Тайфун», как ястреб. Рухнул, как камень, в пропасть. Укротили его советские солдаты.

Француженка

Француженка – так солдаты называли пушку.

Когда сержанту Барабину впервые её вручили, глянул солдат и ахнул. Пушка была выпуска 1897 года, выходит, из неё деды ещё стреляли.

– Да-а-а... – протянул солдат.

– Зато – француженка, – говорят Барабину.

Пушка действительно была французской. Во Франции её изготовили. Ещё в первую мировую войну попала она в Россию. Оказалась пушка на батарее, в которой служил Барабин, в самые тяжёлые часы Московской битвы. Много требовалось тогда вооружения. И вот случайно где-то на артиллерийских складах было обнаружено несколько старых пушек. Были здесь пушки русские, были английские, была и французская. Отправили их на фронт. Французская и досталась сержанту Барабину.

Артиллерийская батарея, как правило, состоит из четырёх пушек. Из четырёх состояла и батарея Барабина. Три пушки современные, новые, только что пришедшие с заводов. Четвёртая, Барабинская, – французская.

Долго бурчал артиллерист. Смотрел на пушку, как на дитё нелюбимое. Всё раздражало солдата в пушке. И вид старинный, и бьёт ближе других, и много возни, пока перезарядишь.

– Утиль, – бурчал солдат. – Доисторический век.

Солдаты смеются:

– Зато – француженка.

Побурчал-побурчал Барабин, а затем и привык к француженке. А когда подбил первый фашистский танк, даже расцеловал пушку.

Кто-то сказал:

– Любовь начинается.

И не ошибся.

Сержант Барабин был прекрасным артиллеристом. Прекрасным оружием стала в его руках и француженка.

Сражалась пушка на Минском шоссе в армии, которой командовал генерал. Леонид Александрович Говоров. Сдерживала вместе с другими натиск фашистов. И вот теперь вместе со всеми пошла вперёд.

Проезжал как-то генерал Говоров мимо артиллерийской позиции. Увидел необычную пушку. Спросил у офицера, что за пушка.

– Француженка, – ответили генералу.

Объяснили офицеры генералу, откуда пушка и как к ним попала.

– Да, нелёгкие, были дни, – сказал генерал Говоров.

А когда узнал, что француженка танк подбила, даже похлопал её по стволу.

– Спасибо, – сказал – француженка.

Недолго после этого пробыла пушка в войсках. Поступи-

ли с Урала новые пушки. Много тогда нового оружия для наступающих армий под Москву приходило. Нет уже больше нужды во француженке. Прислали новую пушку и для сержанта Барабина.

Упёрся было Барабин. То да сё. Привык, не отдаёт он свою француженку. Однако приказ есть приказ. Пришлось артиллеристу расстаться с пушкой.

Обнял он её, расцеловал:

– Ну что ж, прощай, родимая.

Покатила на склады опять француженка. Случилось так, что генерал, Говоров через несколько дней вновь встретил Барабина. Признал он сержанта. Спросил:

– Ну, как француженка?

Показал Барабин на новую пушку. Была она дальнобойной, скорострельной, самой последней, самой совершенной конструкции.

– Да, время другое, другая сила, – сказал Говоров.

Доватор

В боях под Москвой вместе с другими войсками принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские...

Лих, искромётен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом. Смотрят станичники на генерала:

– Наших кровей – казацких!

Спорят бойцы, откуда он родом:

– С Дона.

– С Кубани!

– Терский он, терский.

– Уральский казак, с Урала.

– Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору:

– Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

– Не там, товарищи, ищите. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотино, на севере Белоруссии, недалеко от города Полоцка – вот где родился комкор Доватор.

Не верят Доватору казаки:

– Шутки комкор пускает.

И снова:

– Терский!

– Оренбургский!

– Донской!

– Кубанский!

– Уральский!

– Братцы, да он же, считай, забайкальский, даурских кровей, казак.

Ещё в августе – сентябре конная группа Доватора ходила по фашистским тылам. Громила склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли слухи – 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. Успокаивают солдат фашистские генералы. Отдают даже специальный приказ. А в этом приказе: «Не верьте слухам! Слухи о том, что в тыл наших войск прорвалось 100 000 кавалеристов противника, преувеличены. Линию фронта перешло всего 18 000». А на самом деле в конной группе Доватора было только 3000 человек.

Когда советские войска под Москвой перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каждым кустом им казак мерещится...

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора – 10 тысяч немецких марок.

Рыщут любители денег и славы. Ловят в мечтах Доватора. Исчезает, как дым, Доватор.

Повышают фашисты цену. 20 тысяч марок за поимку советского генерала. Рыщут любители денег, хватают в мечтах Доватора.

Как гроза, как весенний гром, идёт по фашистским тылам Доватор.

Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышав свист.

– Доватор! – кричат. – Доватор!

Услышат удар копыт.

– Доватор! Доватор!

Повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они предателю. Лежат без хозяина эти деньги. Как сон, как миф для врагов Доватора.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идёт.

Тулупин

Стрелковая рота вступила в село. Правда, не первой. Освободили село другие. Ещё утром бежали отсюда фашисты.

Идут солдаты вдоль главной улицы. Сохранилось село. Быстро бежали фашисты. Ни сжечь, ни разрушить ничего не успели.

Подшли солдаты к крайнему дому. Дом-пятистенок. Калитка. Ворота. На воротах написано что-то. Заинтересовались солдаты. Читают: «Прощай, Москва, уходим в Берлин. Ефрейтор Беккерс».

– Вот это здорово, – рассмеялись солдаты. – Значит, прощай, Москва, прощай, надежды.

– Хоть и фашист, а верную надпись сделал.

Присмотрелись солдаты, а внизу и ещё слова. Кто-то приписку сделал. Читают бойцы приписку: «Ничего, догоним. Рядовой Тулупин».

Рассмеялись солдаты:

– Вот это по-нашему!

– Вот молодец Тулупин!

– Мужик с головой, выходит.

Понравилось бойцам солдатское добавление. Интересно им узнать о судьбе Тулупина. Может, Тулупин фашиста уже догнал?

Идут вперёд солдаты. Всюду наводят о Тулупине справки. Кого ни встретят – пехотинцев, танкистов, артиллеристов – сразу с вопросом:

– Нет ли у вас Тулупина?

Фамилия не очень частая. Скорее редкая. Не попадаетесь им Тулупин. Зашли солдаты за Можайск, за Медынь, дальше фашистов гонят. Нет и нет, не встречается им Тулупин. И вдруг в одном месте...

– Есть, – говорят, – Тулупин.

Кинулись солдаты к бойцу:

– Тулупин?

– Тулупин.

– Писал на воротах?

– На каких на воротах? – поразился боец.

Объясняют солдаты.

– Нет, не писал, – отвечает Тулупин.

Огорчились солдаты:

– Не тот Тулупин.

Продолжает армия ратный путь. Двигутся вперёд солдаты, освобождают родную землю. Наступают солдаты и всюду:

– Есть ли у вас Тулупин?

– Есть ли у вас Тулупин?

И вот...

– Есть, – говорят, – Тулупин.

Бросились солдаты к бойцу:

– Тулупин?

– Тулупин.

– Писал на воротах?

– На каких на воротах? – поразился боец.

Объясняют солдаты.

– Нет, не писал, – отвечает Тулупин.

– Э-эх, снова не тот, – огорчились солдаты.

– Не повезло.

Много километров прошагали вперёд солдаты. Продолжают искать Тулупина. Тревожиться стали солдаты:

– Может, ранен, попал в санбат?

– Может, убит Тулупин?

И вдруг:

– Есть Тулупин?

– Тулупин?

– Тулупин.

– Тот самый?

– Сдаётся, тот.

Повстречались солдаты с Тулупиным и сразу ему про Беккерса.

– Беккерс... Беккерс? – стал вспоминать солдат. – Ах, Беккерс! Догнали, догнали его, родимые!

Оживились солдаты:

– Давно?

– С месяц уже, считай.

Довольны солдаты – попался Беккерс. Лезут опять к Тулупину:

– Здорово ты на воротах...

– Что на воротах?

– Здорово ты написал.

– Что написал? – поразился боец. – На каких на воротах?! – стоит, на солдат удивлённо смотрит.

Вот так дела. Ясно солдатам – снова не тот Тулупин.

Заговорили опять о Беккерсе.

– Помню Беккерса, помню, – повторяет Тулупин. – Как же, помню – полковник Беккерс. Нашей ротой был схвачен в плен.

– Полковник? – смутились солдаты. (На воротах писал ефрейтор.)

– Полковник, – сказал Тулупин.

Ясно теперь солдатам, что и Беккерс совсем не тот.

Простились солдаты. Дальше пошли походом.

Сожалеют солдаты:

– Эх, Беккерс не тот и не тот Тулупин.

Тут же со всеми шагает старшина Задорожный. Посмотрел на друзей Задорожный:

– Тот – не тот! Да в этом ли разве дело. Братцы, хватай за суть.

Время смотри какое. Не беккерсы ныне теснят Тулупиных. Фашистов Тулупины нынче бьют.

Наступает Советская Армия. На нашей улице нынче праздник. Множится счёт побед.

Трое

Осташевский район – глубинный, дальний в Московской области. Деревня Бутаково в Осташевском районе – дальняя. Отступали фашисты через Бутаково. Тянулись с утра и до самого вечера. Не успели пройти всё засветло. Один из фашистских отрядов остался в деревне на ночь. Избы здесь спалены. В землянках укрылись жители.

Однако на окраине деревни сохранился большой сарай. В нём и разместились фашисты на ночь.

Хорошо им под крышей. Ветер не дует. Снег не сыплет. Только холод страшный стоит в сарае.

О тепле, о костре стали мечтать фашисты. Покрутились вокруг сарая: не видно ли рядом дров? В лес же идти опасно. Разыскали щепок, собрали малость. Зажгли. Огонь улыбнулся теплом и замер. Лишь запах дыма, тепла оставил. Дразнит фашистов запах.

Прижались солдаты покрепче друг к другу. Стали дремать фашисты. Вдруг слышат скрип на снегу за сараем. Встрепенулись солдаты. Автоматы немедля в руки. Ясно врагам: «Партизаны!» Однако видят – идут ребята. Школьники. Трое. Сапоги на одном огромные. Другой в треухе добротном заячьем. Третий солдатским ремнём затянут.

Подошли мальчишки, остановились. Смотрят на них фашисты. Не опускают пока автоматы.

– Партизаны?! – взвизгнул один из фашистов. Взвизгнул и сам смутился. Видит же он и другие видят – перед ними стоят ребята.

Отделился от мальчишек тот, что в треухе. Был он ростом чуть-чуть повыше. Шагнул к сараю. Рассмотрели фашисты за спиной у подростка что-то.

– Црюк! Назад! – закричали фашисты.

Остановился мальчишка. Ношу на землю сбросил. Смотрят фашисты – охапка лежит с дровами.

– Берите, – сказал мальчишка.

Вывалось тут у солдата удивление:

– О-о-о! Гут! Карашо!

Опустили они автоматы. Дал подросток сигнал товарищам. Отошли на минуту двое. Отошли и тут же вернулись. И у этих охапки в руках с дровами.

Вспыхнул огонь в сарае. Потянуло теплом от дров. Греют руки солдаты, спины. Чуть ли не лезут в костёр с ногами.

Понравились им ребята. И тот, что в треухе заячьем, и тот – в сапогах огромных, и тот, что солдатским ремнём затянут.

Пылает костёр. Дрова, как сахар в горячем стакане, тают. Показал на дрова тот, что в треухе, обратился к фашистам:

– Нох? Ещё?

– Нох! Нох! – закричали в ответ фашисты.

Ушли ребята. Где-то ходили. Вернулись снова. Снова дрова в руках. Сложили ребята дрова в сторонку. А тот, что в треухе, явился со связкой хвороста. Скинул он хворост – и

прямо в костёр всю связку. Ещё сильнее взметнулось пламя.

Побежало тепло ручьями. Довольны фашисты:

– О-о-о! Гут! Карашо!

Смотрят, а где же мальчишки? Сдуло их словно ветром.

Посмотрели солдаты на тьму, в ворота. И в ту же секунду раздался страшный взрыв. Разнёс он сарай, а с ним и фашистов. В связке хвороста были заложены две противотанковые мины.

Много отважных подвигов совершили под Москвой партизаны. Чем могли, помогали взрослым подростки и дети. Особенно тут, в Осташевском районе. Юным советским патриотам ныне памятник здесь стоит. В Осташеве. На площади. В самом центре.

Папка

Погиб у Филиппки отец. В первые дни войны. В боях под городом Минском. Мал Филиппка – четыре года. Скрыла горе от сына мать.

Лезет Филиппка к матери:

– Наш папка воюет? Нас защищает? Фашистов бьёт?

Прижмёт женщина сына к груди покрепче:

– Воюет, сыночек, воюет. Так точно, Филиппка, бьёт.

Бежит по селу Филиппка:

– Наш папка фашистов бьёт! Наш папка фашистов бьёт!

Живёт Филиппка в Московской области. Недалеко от города Рогачёва.

Отпыхало военное лето. Осень пришла на смену. Навалилась беда на село, на округу. Чёрной сворой прорвались сюда фашисты. Танки, пушки вошли в село.

– Славянское быдло! – кричат фашисты.

– Партизаны! – кричат фашисты.

Страшно Филиппке, прижмётся к матери:

– А где же папка? Спасёт нас папка?

– Спасёт, – отвечает женщина.

Шепчет Филиппка друзьям, соседям:

– Спасёт нас папка, побьёт фашистов...

Ждут не дождутся колхозники избавления. И вот радость как ветер в село ворвалась. Разбиты фашисты. Гонят наши

врагов от Москвы на запад.

Скоро и здесь, под Рогачёвом, послышался звук канонады.

– Папка идёт! Папка идёт! – закричал Филиппка.

Дождались колхозники светлого часа. Проснулся Филиппка как-то, узнаёт: бежали фашисты, село свободно.

Бросился мальчик к матери:

– Папка пришёл? Папка пришёл?

– Пришёл, – как-то тихо сказала мать.

– Где же папка?! – кричит Филиппка.

– Дальше пошёл, сынок...

Побежал Филиппин по сельской улице:

– Нас папка освободил! Нас папка освободил!

Повстречался Филиппке Гришка. В два раза старше Филиппки Гришка. Присвистнул Гришка:

– «Освободил»! Да он под Минском ещё убитый.

Насупился Филиппка. В кулачки собрались ручонки. На Гришку волчонком смотрит. Какой убитый! Скажет же этот Гришка!

– Освободил! Освободил! – вновь закричал Филиппка.

Проходил здесь старик Тимофей Данилыч. Бросился мальчик к деду. Торопится, про отца, про Гришку ему рассказывает.

– Правда, папка побил фашистов?

Посмотрел дед на Филиппку, вспомнил про Минск, где грудью стал на пути у фашистов Филиппкин отец, другие ме-

ста, где другие бойцы грудью, как камнем, стали.

– Правда, – сказал Тимофей Данилыч. Прижал он к себе Филиппку. – Без него, без отца твоего, не было бы нашей, сынок, победы.

Побежал по селу мальчишка:

– Папка принёс победу! Папка принёс победу!

Кто же скажет: не прав Филиппка?

Не каждому выпало в той грозной войне дожить до великого Дня Победы. Но каждый, кто бился тогда с врагом под Брестом, под Минском, под Ленинградом, Одессой, под Севастополем, Киевом, Смоленском, Вязьмой, по всем просторам земли советской, – был частью великой победы нашей. Каждый – живой и мёртвый.

Верно кричал Филиппка. Вырастет мальчик, по праву скажет: «Папка Родине нашей принёс победу. Папка Родину нашу от рабства спас».

Слава вам, наши отцы и деды. Сыновний поклон героям.

Пасть

Рядовой Евстегнюк фашиста поймал на палец. Как карась на крючок, фашистский солдат на палец к бойцу попался. Вот как случилось это. Зима. Наступали наши. Громили фашистов. Был Евстегнюк в разведке. В разведке не в первый раз. Задание важное – нужно добыть «языка», то есть схватить кого-нибудь из фашистских солдат и невредимым доставить в часть.

Вышел солдат в разведку. Пересек незаметно передний край, перешёл через линию фронта, оказался в «гостях» у фашистов.

Вечер. Зимний. Ранний. Река Протва. Прорубь в Протве. Тропа. Ходят по этой тропе за водой фашисты. Тут у тропы и засел солдат. Поджидает боец добычу.

Только осторожны на редкость стали сейчас фашисты. Нет бы бежать к воде в одиночку. Ходят к воде с охраной.

Наблюдает за ними советский разведчик. Вот шагает один с ведром, следом другой – с автоматом. Вот трое прошли. Один с ведром, двое других с автоматами. Вот снова трое – один с ведром, с ручным пулемётом двое.

Таких не возьмёшь без шума.

Сидит Евстегнюк, выжидает. Час просидел, на исходе второй. Продрог Евстегнюк, промёрз. Коченеют спина и руки. Однако сидит выжидает. Знает: лишь упорных удача ждёт.

Дождлся разведчик своей минуты.

Видит – на тропе появился смелый. Без охраны бежит фашист. Перебирает ногами, торопится. Вот добежал до проруби. Зачерпнул фашист воду. Бежит назад. Тут и вырос перед ним Евстегнюк. Пытался схватить за горло, чтобы пикнуть солдат не мог. Да, видать, в темноте Евстегнюк промахнулся. Двинул в этот момент головой фашист. Рот приоткрыл для крика. И вот угодил Евстегнюк гитлеровскому солдату пальцем прямо в открытый рот. Угодил, и в ту же секунду фашистский рот, как капкан, захлопнулся. У фашиста от страха случился шок. Сжались зубы, назад ни с места. Мёртвой хваткой схватили палец. Что же тут делать? Так и повёл через линию фронта советский разведчик фашиста в плен.

Прибыл разведчик в часть. Видят его солдаты. Не сразу поймут, в чем дело:

– Глянь, глянь – Евстегнюк за губу волочит фашиста!

И верно, издали кажется, что разведчик ведёт за губу.

Узнав, в чём дело, смеялись до слёз солдаты:

– Евстегнюк карася поймал!

– Сом на крючок попался!

Пытались солдаты челюсти разжать у фашиста. Старались и так и этак.

– Щипом, щекоткой его возьми!

– Штыком надави!

– Дёрни за нос, за ухо!

Быются солдаты. Не растянут упрямые челюсти. Хоть во-

локи домкрат.

Стоит Евстегнюк под обстрелом смешков солдатских. Ситуация – глупее не может быть. Рука с зажатым пальцем, как назло, у солдата правая. Ни честь отдать начальству. А вдруг как тревога! А вдруг как бой! Будь ты проклят, «язык» фашистский!

Кончилось тем, что повели к врачам в медсанбат солдата. Тут и разжали фашисту пасть.

Довольны солдаты:

– Ура! Разжали!

Нашёлся один смекалистый:

– Не эта важна. Не эта. Занеслись на Москву фашисты. Вот какую разжали пасть!

Глава вторая

СТАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

«Ни шагу назад»

Потерпев поражение под Москвой, летом 1942 года фашисты начали новое наступление, они двигались к Дону и Волге, начали сражение за Сталинград.

Бои шли на подступах к городу. 16 солдат-гвардейцев вступили с врагами в неравный бой.

– Ни шагу назад! – поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой – жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

– Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять!

– Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни миномётов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки всё ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастёрки ремень. Ремнём затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел ещё раз на Гущина, Бурдова – они были его соседями по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

– За Родину! – крикнул герой. Бросился вперёд навстречу врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опалённые боем

травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гущин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гущин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

– Нас не возьмёшь! – прокричали солдаты.

Рванулись вперёд герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шукто-
мов:

– Свобода дороже жизни!

Вот они четверо – на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

– Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Ещё взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит, как ветер. Годы текут, как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утёсы, как скалы, стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии – Кочетков, Докучаев, Гущин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

«Гвоздильный завод»

Потерпев поражение под Москвой, летом 1942 года фашисты начали новое наступление, они двигались к Дону и Волге, начали сражение за Сталинград. Бои шли на улицах города.

Недалеко от вокзала в подвале одного из домов советские солдаты обнаружили склад с гвоздями. «Гвоздильный завод» – в шутку называли солдаты дом.

Здесь – сражалась группа солдат во главе с младшим лейтенантом Колегановым. Не всё здание находилось у советских воинов. Часть у фашистов. Глухая стена разделяла две половины.

Стреляют бойцы из окон. Ведут огонь на три стороны. Четвёртая – и есть та глухая стена, которая отделяет их от фашистов. Спокойны солдаты за эту сторону. Стена кирпичная, толстая, ни окон нет, ни дверей. Хорошо за плечами такую защиту чувствовать. Среди солдат – Василий Кутейкин. И ему хорошо оттого, что стена защищает сзади.

И вдруг от страшного взрыва качнулся дом. Это фашисты подорвали глухую стену. Едва улеглась пыль – показался огромный проём в стене. Только рассмотрели его бойцы, как оттуда, с фашистской стороны, полетели в советских солдат гранаты.

Вот уже первая с шумом коснулась пола. Вот сейчас по-

следует взрыв. Упала граната рядом с Кутейкиным. Солдат побледнел, зажмурился. Ждёт, а взрыва всё нет. Приоткрыл он глаза. Видит – схватил младший лейтенант Колеганов гранату, размахнулся и бросил назад в проём, то есть вернул фашистам. Там и раздался взрыв.

Улыбнулся Кутейкин. Полегчало на сердце. И вдруг видит – вторая летит граната. И снова прямо к нему, к Кутейкину. Вновь побледнел солдат, снова зажмурился. Ждёт он бесславной смерти. «Раз, два, три», – про себя считает. А взрыва всё нет. Открыл Кутейкин глаза – взрыва нет и гранаты нет. Это рядовой Кожушко по примеру младшего лейтенанта Колеганова схватил гранату и тоже бросил назад к фашистам. Удачлив Кутейкин. Минует солдата смерть.

Посмотрел Кутейкин на младшего лейтенанта Колеганова, на рядового Кожушко. И вдруг ушла из сердца минутная робость. Неловко бойцу за себя. Сожалеет, что это Кожушко, а не он подхватил гранату. Даже желает, чтобы прилетела ещё одна. Смотрит – и вправду летит граната.

– Моя! – закричал Кутейкин.

Бросился ей навстречу:

– Не подходи – моя!

Схватил гранату и тут же её туда – к фашистам за стену.

Секундой позже подвиг Колеганова, Кожушко и Кутейкина повторили старшина Кувшинов и рядовой Пересветов.

Подбежали солдаты затем к проёму. Открыли огонь из винтовок и автоматов. Когда закончился бой и утихли вы-

стрелы, подошли, заглянули бойцы в проём.

Там, громоздясь один на другого, валялись десятки фашистских трупов.

– Да, нагвоздили, – произнёс младший лейтенант Колеганов.

Улыбнулись солдаты:

– Так ведь «гвоздильный завод».

Много в Сталинграде таких заводов. Что ни дом, то для фашистов «завод гвоздильный».

Ранен в бою солдат

Лежал он без стога, без крика, без плача. Ранен в бою солдат. Кровь сквозь рубаху на пол сочится.

Окраина Сталинграда. Полуразрушенный дом. Третий этаж. Лежит на полу солдат.

Сражался солдат в составе родного стрелкового взвода. Обороняли вот этот дом. Вдруг прибыл приказ занять бойцам по соседству другие позиции. Двинулись воины к новому месту. Солдат прикрывал переход. Покинули дом боевые друзья. Сделал выстрел последний солдат. Хотел устремиться за всеми следом. В эту минуту его и ранило. Вскрикнул. Сгнулся. Упал солдат.

Лежит на полу солдат. Из раны на пол кровь сочится.

Утихает за окнами бой. Передвинулась дальше стрельба — туда, куда ушли боевые товарищи.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает.

Вот Вася Сидоркин. Родом они из одного заводского посёлка. Вместе на фронте с первого дня войны. Отходили по огневым дорогам тогда солдаты. В бою под Минском был ранен боец. Вынес с поля боя, унёс от смерти друга тогда Сидоркин.

Вот ефрейтор Семён Капусто. Под Вязьмой вместе они сражались. Попали бойцы в окружение. Неделю снегами брели по ночам к своим. Одним на двоих сухарём питались.

Вот Такен Токобаев. Это с Такеном они вдвоём привели «языка» под Можайском. Породнила судьба солдат. Вместе вручили героям тогда медали.

Вот Самойлов, Ильин, Головин. Вместе громили фашистов они под Москвой. Испытали радость победы вместе.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. До слёз обидно лежать солдату. Там где-то дальше на улице бой. Там в смертной схватке с врагами сошлись товарищи. Как же помочь друзьям?

Приподнялся солдат. Но тут же от боли вскрикнул. Опять опустился на пол. Прошла минута. Вновь приподнялся. Боль пересилил. Встал. Сделал шаг, сделал два к окну. Взял винтовку. Высунул дуло в проём окна. Выбрал цель. Нажал на курок. Щёлкнул курок, и только. Прикрывая своих, растратил воин последние патроны. Нечем сражаться солдату.

Опустился боец на пол. Покидают солдата последние силы. Всё сильнее сочится кровь.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. Всё громче и громче слышна стрельба. Нелегко там сейчас товарищам. Чем же отвлечь фашистов?

Глянул боец на раны. На рубаху. И вдруг мысль осенила солдата. Собрал он последние силы. Рванул гимнастёрку. Скинул рубаху. Оторвал от рубахи солдат полотнище. Провёл им по ранам. Цветёт кумачом полотнище. Покрылось солдатской кровью.

Подобрался солдат к окну. К винтовке, к штыку прикре-

пил материю. Высунул штык в окно. Рубином зажглось полотнище. Затрепетало оно по ветру. Заиграло, забилося в небе.

Не ошибся солдат. Увидев красное знамя, вновь повернули сюда фашисты. Забили опять снаряды. Зацокали снова пули.

Не утих, продолжается бой у дома. Реет над домом красное знамя. Рубином фашистов бьёт. Где-то за домом гремит «Ура!». Это в атаку идут товарищи. Но не видел, не слышал того солдат. Закончил свой путь боевой солдат. До конца исполнил свой долг солдатский.

Буль-буль

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге. Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь. Сидит фашист в своём укрытии, выкрикивает:

– Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

– Рус, завтра буль-буль. – И уточняет: – Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается.

А Носков:

– Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

– Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

– Не трожь! – строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивлённо. Пожал плечами.

Отвёл винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга».

К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», – поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать. Вдруг видят, кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят – сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок рядовой Турянчик. Выбрались дружки-приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

– Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

– Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты – верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый – «буль-буль». Только не ползёт он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше в штаб.

Однако дорогой сбежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

– Буль-буль, буль-буль! – кричит озорно Турянчик.

Буль-буль, – пускает фашист пузыри. Трясётся, как лист осинovýй.

– Не бойся, не бойся, – сказал Носков. – Русский не бьёт лежачего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

– Буль-буль, – прощаясь, сказал Турянчик.

Мамаев курган

Лейтенант Чернышов красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган – самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперёд.

– Вперёд! Вперёд! – до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и

опять:

– Вперёд!

Лежат солдаты, не поднимаются.

– Вперёд! – кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. – Вперёд!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика.

Саблей сломались брови. Скулы корёжат рот.

– Вперёд! – кричит лейтенант Чернышов. Лежат солдаты.

Вдруг объявился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

– Они же мёртвые, товарищ лейтенант, – тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял – солдаты мёртвые. Живы только они вдвоём – он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь внизу у кургана назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвёртый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет – страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. Словно, устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку – сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

– В атаку! – снова прошла команда.

Снова к вершине ведёт Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит – раскатом грома гремит «Ура!». «Что бы такое?» Решает – причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги с левого берега пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

– Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили. В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

– Всё же наша взяла, – произнёс лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские чёрные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови всё так же дугой, как месяц.

Волга, Волга

Волга, Волга. Стрежень, плёсы. Ширь речная. Ширь и гладь. Ты ходила, как невеста. Ленты в косах. Травы в росах. В сарафанах берега. Ты шинель теперь надела. Волга – русская река.

Ещё 23 августа 1942 года фашистам удалось прорваться к Волге севернее Сталинграда. В последних числах сентября они пробились к Волге и в южной части города.

Прижали фашистские войска советских воинов к реке. С севера не подойдёшь, с юга не подойдёшь. Одна открытая сторона – волжский берег. По Волге и снабжались всем необходимым защитники Сталинграда. Оружие и пополнение, боеприпасы и продовольствие – всё это шло в Сталинград с левого заволжского берега сюда, на правый.

И ещё одно. С правого берега на левый перевозили раненых.

Трудны и опасны сталинградские переправы. Артиллерия неприятеля бьёт с берега. Рыщут в небе, выжидают добычу фашистские самолёты. Сорвать переправы, оставить сталинградцев без помощи – вот задача врага. А переправы живы. День и ночь гудят переправы. Много прославленных здесь судов.

Катер «Четвёртый» шёл к сталинградскому берегу. Вёз оружие, боеприпасы. В это время фашистские самолёты по-

дорвали в городе нефтебазу. Устремилась в Волгу горящая нефть. Разбежалась она, растеклась по воде. Как факел пылает Волга. Катер «Четвёртый» был схвачен огненной бурей. Видели люди с берега, как скрылся «Четвёртый» в лавине дыма и пламени.

– Верная гибель, – вздохнули на берегу.

И вдруг – есть чудеса земные. Прорвался сквозь невозможное катер. Проскочил и огонь и смерть.

– Спасла его Волга! – крикнули люди.

– Силы ему дала!

Катер «Лейтенант Здоровцев» перевозил с правого берега раненых. 150 человек на палубах. Заметили фашисты катер, открыли ураганный огонь из пушек. Сразу в трёх местах пробило судно снарядами. Три пробоины – верная смерть. Смотрят люди на катер с берега. Вот всё ниже он, ниже опускается в воду. Вот волна подступила к палубам.

Замерли люди. Захлестнет сейчас катер. Вот он, последний миг.

Но снова свершилось чудо. Устоял «Лейтенант Здоровцев». Дошёл он до левого берега. Сдал драгоценный груз.

– Волга на руки его подхватила, – вот что бойцы сказали. – Бережно к берегу донесла.

Много на Волге судов-героев. Пароходы «Емельян Пугачёв», «Генерал Панфилов», «Спартаковец», «Ласточка», бронекатер № 61, катер «Ерик», баркас «Абхазец», баржа «Связист». Это не всё. Это всего лишь немногие.

Не счесть оружия, боеприпасов и разных военных грузов, которые были переправлены через Волгу на правый огненный берег в дни Сталинградской битвы.

Не счесть и всех тех раненых, которых спасла Волга от верной гибели, переправив с правого, Сталинградского – на левый, Заволжский берег.

– Спасительница наша! – говорили солдаты тогда про Волгу. – Ты отныне не простая. Ты гвардейская река.

Злая фамилия

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, – первый вопрос:

– Фамилия?

– Трусов.

– Как-как?

– Трусов.

– Д-да... – протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

– Как фамилия?

– Рядовой Трусов.

– Как-как?

– Рядовой Трусов.

– Д-да... – протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

– Видать, твой предок в героях не был.

– В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идёт раздача прибывших писем. Называют фамилии:

– Козлов! Сизов! Смирнов!

Всё нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнут:

– Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

– Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, – сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемёт. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемёт.

– Молодец! – похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты ещё несколько шагов. Снова бьёт пулемёт.

Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулемётчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

– Герой! – сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вёл огонь рядовой Трусов.

– О-о! – вырвалось у командира отделения. – Ну, брат,

злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награждён медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит – глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

– За что награждён, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская – дела человека красят.

Данко

Данко – сказочный герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в тёмном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце. Вспыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям.

Сталинград необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Сталинградский тракторный. Гордились сталинградцы своими заводами, славой своей рабочей. Сюда в заводской район и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломила силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних ночных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клёши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулемёты. У матросов одни гранаты. И те на исходе. Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулемётов, брони и пушек. Но вот наступил момент – нет у Паникахи больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаху. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занёс бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаху. Мгновение – и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце...

Остальное случилось в одну секунду.

– Нет, не пройти фашистам! – прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занёс бутылку. Ударил по решётке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брыз-

нул огонь фонтаном.

Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты. Много стёрла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живёт, не старея, память о подвиге Паникахи.

Сталинградский Данко – назвали его товарищи. Таким он вошёл в историю.

Знаменитый дом

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Миномётным огнём, словно дождём, поливали фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался. Не пал на колени дом.

Защищали его солдаты единой огромной страны. Здесь русский рядом стоял с казахом. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили.

Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг.

О просторах родной России, о далёкой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шири казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. В общем союзе советских республик расцветает родная Татария. О милой Казани, о Казанке-реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Памире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запеваёт таджик Турдыев. Могуч и широк, и приволен Днепр. Об Украине родной, о ее колосистых полях и нивах украинца Глущенко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоминает грузин Мосиашвили. Родные арыки и

белого хлопка поля представляет узбек Тургунов.

Стоит в Сталинграде дом, не дом, а целый союз советских республик. Русский, татарин, грузин, узбек за общую родину бьются. Здесь на Волге решается всё: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты.

Обжились солдаты в доме. Даже баню в подвале себе устроили.

– Сандуны! Сандуны! – смеются солдаты. (Сандуны – это московская лучшая баня.)

– Гочило! Гочило! (Это тбилисская лучшая баня.)

Хорошо помыться солдатам в бане. На десять сражений вперёд зарядка. Кричат фашистам:

– А ну к нам в баню!

Молчат фашисты. Боятся бани.

Второй месяц атакуют фашисты дом. Изводят батальоны свои и роты. Стоит, не дрогнет упрямый дом. Кинжальным клином в оборону фашистов врезался.

По траншеям, по скрытым ходам сообщений нет-нет да приходят к солдатам гости. То разведчики, пробираясь в тылы к фашистам, задержатся тут на минутку. То минёры пройдут, то отряд миномётчиков.

– Как тут у вас, гарнизон, дела?

– Служба идёт, и солдат не дремлет, – отвечают бойцы с достоинством.

Стоит на виду у фашистов дом. Как мозоль на ступне, как

бельмо на глазу. Не даёт он врагам покоя. Начинают фашисты атаку.

– Не возмёшь! – отвечают бойцы фашистам.

Оборону знаменитого сталинградского дома возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют Домом Павлова. Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты.

Идёт с фашистами бой-сражение.

– Огонька им, ребята! Побольше! Побольше! – командует сержант Яков Павлов. – Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей это дом.

Сталинградская оборона

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков – боевой, решительный генерал.

Наступая, фашисты однажды прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот-вот и ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

– Товарищ командующий, противник рядом, – доложили Чуйкову.

– Вот и прекрасно, – сказал Чуйков. – Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада – открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолёты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

– Опасно, товарищ командующий, – рядом огонь!

– Вот и отлично, – сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. – Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже, когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело бывают осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

– Товарищ генерал, да где это видано – осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

– Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтной витамин на злость.

– «Витамин»! – пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты – боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона – это атака. Атакует всё время Чуйков противника. Не даёт фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждёт указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления – как, по науке, лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так, так, где же вам лучше занять оборону? И тут

дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провёл стрелку.

– Вот здесь, – сказал, – завтра вместе с соседом справа начнёте атаку. Цель – уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

– Так это, выходит, товарищ командующий, не оборона, а целое наступление.

– Нет, оборона, – сказал Чуйков. – Сталинградская оборона.

Чуйков – атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Василий Иванович Чуйков стал Маршалом Советского Союза.

Геннадий Сталинградович

В сражающемся Сталинграде, в самый разгар боёв, среди дыма, металла, огня и развалин, солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

– Как тебя звать?

– Гена.

– Сколько ж тебе годов?

– Пять, – важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышлёным был мальчик. Прошёл всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог называть всех по имени-отчеству.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Смекалистый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

– Здравствуйте, Павел Васильевич!..

– Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..

– Здравия желаю, Семён Никодимович!..

– Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые – все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

– Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

– Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы:

– Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

– На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

– Доброй дороги тебе, Сталинградович!

– Сил набирайся!

– Мужай!

– Расти!

– Честь с юных лет береги, Сталинградович!

Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты бусинку и снова к ратным своим делам.

Вырос Геннадий Сталинградович. Жив и здоров. Школу закончил, затем институт. Есть у него дети, есть внуки. Со всем недавно родился правнук.

Редут Таракуля

Таракуль – это фамилия. Сержант Юрко Таракуль по национальности молдаванин. «Редут» – старинное слово, означает оно – укрепление.

Пулемётчики Юрко Таракуль и Михаил Начинкин занимали оборону в одном из старинных купеческих особняков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.